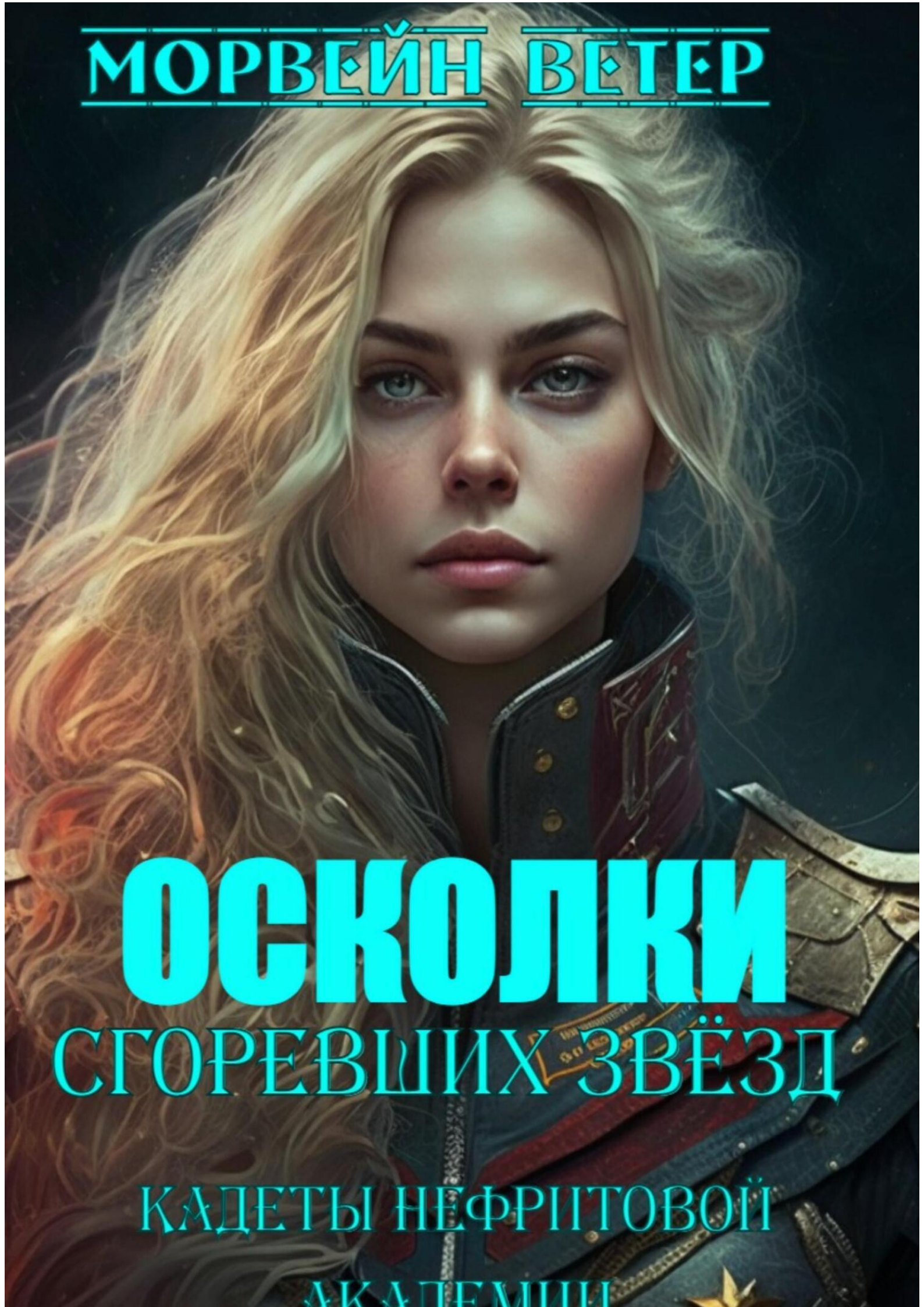

МОРВЕЙН ВЕТЕР

ОСКОЛКИ
СГОРЕВШИХ ЗВЁЗД

КАДЕТЫ НЕФРИТОВОЙ

АКАДЕМИИ

Морвейн Ветер

**Осколки сгоревших звёзд. Книга
1. Кадеты Нефритовой Академии**

«Автор»

2025

Ветер М.

Осколки сгоревших звёзд. Книга 1. Кадеты Нефритовой Академии
/ М. Ветер — «Автор», 2025

Ролан - наследник древнего рода и внебрачный сын. Искерд - сирота, воспитанная императрицей. Эти двое принадлежат к разным эпохам одной и той же Империи. Одна - мечтает сохранить прошлое. Другой - разрушить изживший себя мир. Им предстоит встретиться в стенах одной и той же академии. Академии, где учатся люди, которым суждено определить судьбу галактики на десятки лет вперёд. Академии, где соберутся наследники всех знатных семей. Нефритовой Академии - самом древнем и самом престижном учебном заведении Империи Тысячи Звёзд.

© Ветер М., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Пролог	6
ГЛАВА 1	8
ГЛАВА 2	13
ГЛАВА 3	18
ГЛАВА 4	22
ГЛАВА 5	25
ГЛАВА 6	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Морвейн Ветер

Осколки сгоревших звёзд. Книга

1. Кадеты Нефритовой Академии

Еще не сорваны погоны и не растреляны полки,
Еще не красным, а зеленым восходит поле у реки.
Им лет не много и не мало, но их судьба предрешена.
Они еще не генералы, и не проиграна война.
Зоя Яценко

Пролог

Дюзы подрагивали, испуская лиловые выхлопы. Штурвал под ладонями так нагрелся, что с трудом удавалось его удерживать.

Я скосил глаза на визор и подмигнул.

– Идиот, – прокомментировал Брант.

Как будто я не знал. Ха.

Джессика, стоявшая на небольшом пяточке между двумя стартовыми площадками, поправила микрофон и неторопливо начала считать. Издевалась – не иначе.

– Три.

– Два.

Руки так стиснули штурвал, что побелели костяшки.

– Полтора.

Я зарычал.

– Один. Старт!

Два корвета, взвизгнув моторами, рванулись вперёд. Рейнхардт на старте обошёл меня на полголовы – ещё бы, у него под капотом фотон, хотя все знают, что на Тардосе он запрещён.

У меня бы тоже был фотон, если бы я его не проиграл. И нужно сказать за это спасибо Бранту – обязательно это сделаю, если переживу следующие полчаса.

Астероид, несущийся напрямик на меня, в последний момент ушёл в сторону.

Заныли запястья, но я всё-таки выкрутил штурвал – а вот Рейнхардт не успел. Его куколка проскребла крылом и ударилась об один космический булыжник – и отрикошетила к другому.

Отлично. Я выхожу на обгон.

Правда, всего на пять минут – восстановить управление Рейнхардту удаётся слишком легко. Но, естественно, я не сдаюсь.

Делаю плавный разворот, заходя под конкурента, так что магнитное поле моей малышки мешает сопернику прокладывать курс.

– Запрещённый приём! – раздаётся в наушниках.

– Брант, заткнись. Делаю, что могу.

Брант снова бьётся крылом об астероид, уходит немного вниз и... наносит удар по моему кораблю.

Если бы за пределами рубки мог разноситься звук, уверен, я услышал бы вой. Но нет, там царит тишина – полная и мёртвая, в которой, если нас потеряют пеленгаторы, никто уже не отыщет.

– Ты сам напророчился, – слышу в наушниках, но отвечать не буду. Не до того.

Немного прибавляю скорости и опять выхожу вперёд.

Рейнхардт в ярости. Не сомневаюсь. Потому что на его пути очередная ледяная глыба, а на моём – космический простор.

Ему приходится сделать разворот, но... чёрт. Он выходит на прямую и поддевает носом брюхо моего корабля.

Судорожно рву штурвал, пытаюсь выправить курс, но истребитель, вращаясь, уходит в пике. Пара секунд – и я вернусь. Уверен. Но...

Гиперворот раскрывается в паре арнов от моего корабля, и белоснежный «Буран» выскальзывает из него подобно змее.

Канал связи заполняет мат. Кажется, не мой, хотя трудно утверждать с уверенностью. А ещё похоже, что на Рейнхардта орёт кто-то ещё, но голоса не узнать.

Секунда – и нос моего истребителя плавно входит в острое крыло "Бурана".

Я понимаю, что дело швах, когда в точке нашего столкновения вспыхивает огонь. У кого-то пробит борт. Интересно, у меня или у «Бурана»? И кто вообще догадался открывать в астероидном кольце гиперврата?

Подозреваю, что мне не суждено этого узнать.

Всё-таки пробит я. Рубку стремительно покидает кислород. Компьютер нудит об угрозе – но поделаться-то я ничего не могу. Сознание плавно отступает в темноту, и последнее, что я слышу – чужой, незнакомый вопль:

– Рейнхардт, я тебя убью!

ГЛАВА 1

Административный корпус Нефритовой Академии стоял на утёсе, выдававшимся далеко в море. Коридоры его, с одной стороны огранённые чередой дверей, с другой освещало пробивавшееся сквозь огромные окна утреннее солнце.

Исгерд решительно мерила шагами коридор перед приёмной ректора – от двери до двери. – Идиот, – раз за разом повторяла она. – Почему вокруг меня одни идиоты?

Платиновые волосы девушки металась по плечам при каждом движении, голубые глаза сверкали фотонным огнём.

– Как же я вас всех ненавижу!

С позавчерашнего дня Исгерд Ларссон не понимала, за что ей такое везение – отправиться в Нефритовую Академию, причём не столько для учёбы, сколько для того, чтобы, по словам драгоценной госпожи Первого Консула, «налаживать контакт». Налаживать контакт с кем? С идиотом, который палит топливо в астероидном поясе, чтобы доказать неведомо что неведомо кому?

– Ему же всего девятнадцать лет! – возмутилась Исгерд ещё в тот день, когда Первый Консул позвала её к себе, чтобы рассказать о наследнике одного из влиятельных родов.

– Как и тебе.

Исгерд оставалось лишь задохнуться возмущением. Ну да, она тоже юна... но общение со сверстниками никогда не приносило ей удовольствия. Исгерд с трудом понимала, чем они живут. Да и аристократические Дома Гесории она считала атавизмом, который должен прекратить своё существование как можно скорее.

Исгерд не принадлежала к знатному роду.

Принятая Консулом в семью и выросшая при дворе, Исгерд была сиротой. Но всегда очень хорошо помнила, кому всем обязана. Госпожа Консул заботилась о ней и давала всё, чего только можно пожелать. И вот теперь, очевидно, хотела получить расчет.

Нет, Исгерд, конечно, понимала, что однажды придётся платить за всё – но не таким способом и не сейчас.

– Меня обучали владеть оружием и добывать информацию! – бушевала она, но чёртова госпожа Консул только потягивала чай из фарфоровой чашечки с изображением павлина и явно не воспринимала слова Исгерд всерьёз. – Ты не можешь так со мной поступить!

– Мы все служим Республике, – великодушно ответила Консул и вздохнула: – Каждый приносит свою жертву. И ты в том числе.

Сколько Исгерд знала свою наставницу, та всегда с большим успехом говорила красивые и ничего не значащие слова.

Верила ли в них леди Эклунд – оставалось загадкой.

Хельга Эклунд не обладала яркой внешностью. Всему многоцветью стилей и модных трендов Республики она предпочитала классику. Единственной яркой чертой в её облике были огненно-рыжие волосы, которые, впрочем, Эклунд всегда убирала в скромную причёску, словно нарочно пряча за этой деланной непритязательностью свои беспредельные амбиции.

Хельга Эклунд никогда не теряла самообладания, никогда не лгала, и никогда не говорила всей правды. Исгерд, которая знала наставницу лучше, чем кто-либо из жителей Республики, оставалось только смириться с этим набором опасных, но неистребимых качеств госпожи Консула.

Отправляясь в Академию, Исгерд чувствовала себя так, точно её с утра обухом по голове огрели.

«За что?!» – не уставала повторять про себя девушка, снаряжая любимый корабль, тщательно проверяя запасы топлива и полируя каждую выпуклость на крыле – уход за звездолётом всегда успокаивал.

И вот стоило открыть переход, как парочка чёртовых молокососов разнесла её любимую птичку вдрызг!

Исгерд, равнодушная к большинству привилегий, которые давало воспитание в столь респектабельном доме, не любила платья, драгоценности и балы. И преимущества опекунов госпожи Консул тоже не слишком волновали её. Зато всем сердцем Исгерд обожала холодное оружие, дальнобойные винтовки и скоростные истребители.

Кораблик, на котором она прилетела сюда, в академию, был собран по её собственным чертежам на одной из самых дорогостоящих верфей и на добрую половину состоял из эксклюзивных деталей, которые делались специально под него. Исгерд сильно сомневалась, что «Буран» удастся починить. Нужно отправлять запрос в столицу, оформлять заказ на эксклюзивные детали, и всё это в срочном порядке, потому что без корабля она не проживёт. А вместо этого Исгерд вынуждена торчать в приёмной ректора в ожидании, когда ей вынесут вердикт. Как будто она виновата в том, что этот парень, который пострадал столкновения – идиот!

– Леди Ларссон! – раздался голос из спикера, и симпатичная секретарша с улыбкой кивнула в сторону двери.

Исгерд заправила за ухо выбившуюся прядь волос, одёрнула китель и вошла.

Из кабинета ректора открывался вид на морскую гавань. Исгерд привыкла ежедневно наблюдать красоты дворцового консульского парка, и всё же в первые мгновения ей оказалось трудно сфокусировать взгляд на сухоньком человечке, сидевшем перед этим громадным окном.

– Сэр Одвиг Сааринен, – Исгерд слегка поклонилась, демонстрируя почтение к генералу, который никогда не видел войн.

– Да, это я, леди Ларссон. Хотел бы я сказать, что рад вас приветствовать... – ректор приподнялся и слегка кивнул. – Но обстоятельствам вашего прибытия радоваться очень уж тяжело.

Исгерд вздохнула.

– Вы же понимаете, что я не могла рассчитать, что в точке моего выхода двое кадетов устроят какую-то идиотскую игру.

– Леди... Ларссон... – Одвиг Сааринен прокашлялся в кулак. – Я всё понимаю. И поверьте, исполнен почтения к женщине, которая прислала вас сюда. Но...

– Но....

– Но и вы меня поймите. Один из кадетов, «устроивших идиотскую игру» – наследник Дома Рейнхардтов.

– Да! И это поразило меня больше всего!

– И это ещё полбеды. Он, по крайней мере, не пострадал. Настоящая проблема заключается в том, что второй кадет – как вы говорите, второй идиот, который сломал вам крыло – старший внук герцога фон Крауз. Понимаете?

Исгерд молчала.

– Это попытка убийства, моя дорогая, любимая, глубокоуважаемая леди Ларссон. Со всем почтением к той, которая вас прислала.

– Это он пытался меня убить! – возмутилась Исгерд.

– Мда... Мне бы не хотелось, чтобы вы так думали.

– Тем более на территории вверенной вам Академии.

– Особенно на территории Академии... за которую я отвечаю. Я вообще предпочёл бы, чтобы никто никого не убивал.

– Перестаньте, с тем же успехом можно сказать, что Рейнхардт и Крауз пытались убить друг друга! При чём тут я?!

– Вы же всё понимаете, – Одвиг вздохнул. – Если вам удастся уладить этот вопрос миром – я только рад буду.

Исгерд моргнула.

– Мне, – повторила она.

– Да. Ведь это ваш корабль так удачно...

Исгерд запрокинула голову и застонала.

– Как же я вас всех ненавижу, – процедила она едва слышно.

– Простите, что?

– Я говорю, – произнесла Исгерд громко и отчётливо, поворачиваясь к Одвигу, – благодарю за гостеприимство. Инцидент будет исчерпан.

– Благодарю. Любезнейше благодарю.

Одвиг протянул руку, но Исгерд сделала вид, что не заметила его жест.

– Разрешите идти, – попросила она.

– Конечно. Вас проводят в лазарет.

– В ла... – Исгерд хотела спросить, зачем, но только махнула рукой. – Спасибо. Именно об этом я мечтаю после двух суток за штурвалом. Да. Определённо. Больше всего мне нужен лазарет.

«Крыло можно попытаться выправить. Хотя... проще, конечно, снять и заехать им этому наследнику по башке. Ещё разок. Высокие Звёзды, да кто же придумал отправить меня сюда?»

Всех, кто от рождения носил приписку «сэр» и имел больше двух миллиардов содержания в год, Исгерд не любила. Сама толком не знала – почему. Не то чтобы госпожа Консул в чём-нибудь ей отказывала... Просто... Исгерд всегда знала, что должна платить. А им всё доставалось просто так.

И вот итог. Вместо того чтобы заниматься делом или хотя бы готовиться к тому, чтобы когда-нибудь им заняться – эти идиоты впустую жгут фотон. А его так не хватает в горнодобывающих комплексах! Разработки в астероидных поясах по полгода стоят.

И ладно бы тупой наследник был один – хотя Исгерд подозревала, что только Вольфганг – это в два раза больше, чем она может вынести. Но два! Два – это, определённо, перебор.

«Придётся ещё и навигацию менять. Звёзды... Это опять целый месяц ждать... „Эранкан“ на заказ раньше не сделают...»

Выйдя из корпуса администрации, Исгерд направилась по дорожке, усыпанной гравием, и дальше – между кипарисовых стен. На мгновение прикрыла глаза, вдыхая аромат расплавленной на солнце смолы. Растекаясь по лёгким, он немного успокаивал, и когда тьютор открыл перед гостьей дверь лазарета, Исгерд почти себя контролировала.

Она поздоровалась с врачом. Скрывая раздражение, поинтересовалась, где можно найти фон Крауза-младшего.

Молоденькая медсестричка с подозрением оглядела её со всех сторон.

– Может, уже оставили бы его в покое, а? У человека череп повреждён.

Исгерд не испытала и тени стыда – напротив, с трудом удержалась от того, чтобы не сказать: «Он сам виноват».

– А что, к нему уже приходили? – спросила она вместо этого.

– Да с самого утра. Сначала Брант Макалистер принес кучу гаджетов. Это я ещё могу понять – хотя вообще-то в состоянии Крауза нельзя долго смотреть на экран. Потом притащилась ещё одна, Юки Симидзу, всё просила никому о её визите не говорить. Оставила фрукты и

букет цветов. Часа не прошло, как явился чёр... наш драгоценный господин Рейнхардт. Этого вообще нельзя пускать – пациент после него сам не свой, разве что не прыгает до потолка на сломанной ноге. И вот ещё вы. Вы, простите, вообще кто?

– Игерд Ларссон, – машинально представилась Игерд и тут же услышала тихое:

– Ой. Прошу... эм... прощения... Леди.

– Ничего. Я его надолго не задержу. И без того дел хватает.

Высокомерная рожа Рейнхардта против воли всплыла перед глазами.

«Интересно, нас ещё и поселят вдвоём?» – подумала Игерд.

– Прошу, – медсестра сделала красивый жест рукой, запоздало пытаясь продемонстрировать, что всё-таки знает этикет.

Игерд, приоткрыв дверь, вошла.

В палате пострадавшего было так же просторно и светло, как и везде в Академии. Нога, подвешенная на растяжках, почти целиком заслоняла больного, так что Игерд пришлось шагнуть в сторону, чтобы разглядеть его лицо – бледное после операции, наполовину скрытое бинтами, из-под которых виднелось лишь несколько прядей чёрных нестриженных волос.

– Брант, я не считаю, что проиграл! – сообщил наследник раньше, чем увидел, кто вошёл.

Затем взгляд его сфокусировался на лице Игерд, и он замолк.

– Да, – согласилась Игерд. – Определённо, это победа. Над моим несчастным кораблём, который теперь месяц не сможет взлететь.

Если в первое мгновение Крауз и хотел сказать что-то вежливое, то желание это быстро прошло.

– Потому что надо быть идиоткой, чтобы открывать гиперворот в двух арнах от астероидного поля! – выпалил он.

– Да ладно! Гробить машины на детских гонках – точно намного умней!

– Ты вообще не знаешь, что произошло, какого чёрта не в своё дело влезла?!

– Я влезла... – Игерд задохнулась от ярости. Покраснела. Побелела. Стиснула кулаки и только потом холодно и ровно произнесла: – Я пришла принести вам извинения, сэр Крауз. Мне хотелось бы, чтобы мы забыли про этот инцидент.

– Во-от как... – протянул больной, откидывая на подушки черноволосую голову и с насмешкой глядя на гостью. – А что вы готовы сделать, чтобы я вас простил?

На мгновение Игерд ещё сильнее стиснула кулаки, силясь преодолеть желание врезать наследнику.

– Сэр Крауз, – сказала она очень тихо и настолько мягко, насколько могла, – если вы будете злоупотреблять моей доброй волей, надолго ее может и не хватить.

– Я просто задал вопрос.

– Например, я готова не говорить Консулу, что вы пытались меня убить.

В глазах пациента промелькнула тень растерянности – но лишь на миг. Картинка, которую Крауз видел наяву, стремительно складывалась с кадрами из новостей, на которых он не раз наблюдал Игерд Ларссон за плечом у Первого Консула.

– Вот ты кто такая, – протянул он. Растерянность в его глазах сменилась на интерес.

Игерд молчала, ещё не зная, чего теперь ждать. Не похоже было, что у наследника достаточно мозгов, чтобы завершить конфликт.

«Вот поэтому я не люблю иметь дела с теми, кому девятнадцать лет», – подумала она.

А Крауз смотрел на гостью, и улыбка постепенно расцветала у него на губах. Ещё в то мгновение, когда воспитанница госпожи Консула только лишь показалась в дверях, он отметил про себя выражение её колких, как заледеневшая гладь зимнего озера, глаз. Её волосы, небрежно падавшие на плечи, отливавшие белым золотом в солнечных лучах. Сказать, что Игерд красива, значило не сказать ничего. Впрочем, красив был каждый из них, потомков

Великих Домов. Каждый представлял собой результат селекции многих поколений – Рейнхардт, Макалистер и, до определённой степени, даже сам Крауз.

Красоты было так много, что она начинала раздражать – потому, возможно, и Игерд раздражала.

– Я не снимаю вопрос, – произнёс Крауз, – но готов вас извинить. Вы меня не оставите? Я тут... болею... как-никак... из-за вас.

Игерд мгновение смотрела на него, пытаясь заморозить льдом своих глаз. Затем фыркнула и, громко хлопнув дверью, вышла в коридор.

ГЛАВА 2

Нефритовая академия, получившая своё название за то, что первые белокаменные корпуса её тонули в кронах зелёных, как нефрит, деревьев, десятилетиями служила местом, куда мечтали попасть все молодые люди Гесории. Основанная две сотни лет назад, она на долгие годы стала самым престижным образовательным учреждением империи. Все без исключения аристократы считали необходимым дать детям офицерское звание. А звание это в стенах военно-космической академии получить куда быстрее и проще, чем во время действительной службы на космическом корабле.

Молодой человек, не имевший военного звания, в этой среде считался почти что неполноценным. Девушкам приходилось легче – но только если они собирались строить карьеру исключительно в качестве жён и матерей.

С тех пор, как империя превратилась в Республику, мода на высшее военное образование в целом чуть угасла – но среди высшей знати всё оставалось по-прежнему. Неважно, хотели или нет Ролан и его ближайшие друзья здесь обучаться, выбора ни у кого из них не было.

Но Ролан хотел. Военная служба навевала ему мысли о романтике дальних космических полётов, скоростных кораблях и запретных перемещениях по Линиям Ветров. Он получал удовольствие как от изучения истории Гесории, так и от практических занятий в верхних слоях атмосферы.

Но если бы Ролана спросили, есть ли в академии место, которое он ненавидит всем сердцем, он без запинки ответил бы: «Лазарет». Не только в академии, но и во всей Гесории Ролан не знал места скучней.

Два с половиной дня к Ролану никто не заходил – или попросту никого не пускала медсестра. Он не знал.

Оставалось радоваться тому, что Брант успел передать ему коммуникатор, планшет, визор и ещё парочку полезных вещей. При появлении медсестры всё это приходилось прятать под одеяло, потому что она каждый раз грозилась отобрать его игрушки. И всё же большую часть времени Ролан провёл, разглядывая в сети фотографии новых моделей кораблей – так впечатлил белоснежный «Буран», переехавший его подобно колесу судьбы. Однако ничего похожего найти не удалось.

«Несерийная модель, – думал он с тоской, – мне бы такой... Рейнхардт лизал бы мне дюзы... да».

На третий день к нему прорвался и Брант.

К тому времени Ролан уже основательно изнывал от тоски – в основном по недоступным ему скоростным кораблям – и то и дело поглядывал в окно.

Не меньше «Бурана» заинтересовала его и девушка, которая на нём прилетела.

«Исгерд Ларссон», – мысленно повторял Ролан, перекачивая имя на языке.

Об Исгерд толком никто и ничего не знал. Говорили, что её подбросили в дом госпожи Консула вместе с сестрой, когда обеим едва исполнился год. Говорили, что госпожа Консул очень её любит. Говорили, она обдумывает для воспитанницы династический брак – хотя Исгерд к числу аристократии не принадлежит.

«Не может не принадлежать», – думал Ролан, вспоминая безупречно правильные, как у искусно вырезанной статуи, черты лица. Впрочем, не походила Исгерд и на наследницу одного из Великих Домов – каждая семья тщательно следила, чтобы в детях проявлялся определённый типаж. Рейнхардты все, как на подбор, черноволосы и белокожи. Макалистеры хранили на себе печать огня. А Краузу, мягко говоря, не повезло – семья его старательно культивировала голубоглазый арийский типаж, в то время как он оказался «альбиносом наоборот» – чёрные волосы, синевато-серые глаза. Разумеется, лучший повод для сплетен трудно отыскать. Разу-

меется, Рейнхардт не мог удержаться, чтобы не сыграть на этом. Разумеется, ничего объяснять ему Ролан не стал – не видел смысла, хотя просто так оставить всё это не мог. В конце концов, Краузы так себя не ведут! Они не пасуют перед трудностями и не сносят покорно оскорблений. И подобно предкам, сражавшимся на стороне Гесории в войнах за Предел, Ролан решил доказать свою правоту делом, а не словами.

– Был бы фотон – я бы не проиграл, – пробормотал Ролан в который раз, не заметив, как открылась дверь, и на пороге показался его друг.

– Был бы фотон, – сказал Брант, усаживаясь в кресло у окна, – ты бы въехал в этот лансер на полном ускорении, и от твоей головы вообще ничего бы не осталось.

– И тебе привет, – согласился Ролан зло. – Ты, стало быть, с ними заодно?

Брант во всём окружении Ролана был единственным человеком, которому Крауз прощал и дурацкие шутки, и ещё более идиотские выходки.

Они с Брантом познакомились в раннем детстве, и обе семьи – Макалистеры и фон Краузы – всегда поощряли такую дружбу. Старшие братья Брандта часто навещались на Аркан – в родную систему Ролана, и Брант всегда приезжал с ними. Рыжеволосый, как все Макалистеры, но такой же статный и высокий, как Ролан, Брандт как правило становился непрямым участником всех проблем, которые фон Крауз наживал на свою голову. А зачастую своим творческим потенциалом добавлял к ним ещё столько же.

– Нет, просто я реалист, – ответил он.

– Ты оправдываешь то, что проиграл в карты мой фотон, вот и всё.

– Для друзей нельзя ничего жалеть! – Брант воздел палец к потолку в подтверждение своих слов. – Даже фотон.

Ролан промолчал, не желая вступать в бесполезный спор. Вдохнул.

– Что-нибудь новое произошло? – спросил он.

– Да, в общем-то, ничего. Расследование замяли. Рейнхардт ещё двое суток проведёт на губе. Тебе, наверное, засчитают дни, что ты торчишь в лазарете – хотя точно не скажу.

– А что насчёт Ларссон?

– А, – Брант самодовольно улыбнулся. – Видел её? Хороша?!

– Не по тебе, – с неожиданной для себя злостью отрезал Ролан. О том, что Брант пока что не пропустил ни одной юбки на Тардосе, знали все.

– Ещё бы, – улыбка на губах Макалистера стала только шире, – она приехала к Рейнхардту. Ларссон подселили к нему в блок. Вся Академия гудит.

Ролан не успел дослушать до конца, когда обнаружил, что пытается сесть, но растяжки ему не дают.

– К Рейнхардту?! – процедил он. – Это ещё почему?

Брант пожал плечами и откинулся назад.

– Ну, говорят, Консул хочет заключить с Рейнхардтами союз.

Глаза Ролана недобро блеснули.

– Как это понимать? Разве фон Крауз не служили опорой Гесории на протяжении сотен лет?

До этого момента Ролан вообще не собирался вступать в брак. Ни в династический, ни в какой-то ещё. В отличие от Бранта, он неизменно оставался равнодушен к женскому полу и куда больше интересовался звёздными картами и двигателями малых кораблей.

Ролану удавалось почти всё, за что он брался – фехтование, науки, стрельба и лётное мастерство. Девушки, конечно же, не оставались равнодушны к его умениям, благо Ролан отличался к тому же красотой и обаянием. Но он чувствовал себя неуютно, встречаясь лицом к лицу с их ожиданиями, и предпочитал не заводить вообще никаких отношений, чем временные и ничего не значащие.

– Вопрос не ко мне, – Брант развёл руками и покачал головой.

– Это предательство, – твёрдо сказал Ролан.

– Потому что Ларссон приехала не к тебе?

– Да. То есть, нет. Дело не во мне!

Окончательно запутавшись в том, что именно его так сильно бесит, Ролан умолк.

Брант посидел ещё немного и пошёл к себе. А Ролан всё думал о том, как лучи солнца играли на платиновых ниточках волос Ларссон.

«Идиот», – в конце концов решил он и уткнулся в планшет.

Комната, выделенная Исерд, выходила одним краем на залив и другим – на изгиб стены, в которой виднелось ещё одно окно, так что казалось, протяни руку – и достанешь комнату Вольфганга.

Далеко внизу мерцали и искрились лазурные волны. Успокаивали глаз и лёгким шорохом ласкали слух. И если бы не чёртово окно, Исерд почти поверила бы, что всё будет хорошо.

Глубоко вдохнув и отвернувшись, она подошла к зеркалу. Кадетский китель Исерд получить не успела и потому чувствовала себя неуютно среди окружающей ее элегантно строгой в своем белом камзоле, расшитом серебром, и с брыжами батиста у горла – мода столицы немного отличалась от той, что царила в остальных частях Гесории. Здесь, на Тардосе, предпочитали умеренность, а ближе к окраинам царствовал минимализм – многие ограничивались обыкновенными комбинезонами цвета компании, в которой работали.

Исерд едва успела оправить кружевные манжеты, когда в дверь постучали.

Надежда, что на пороге стоит кто-то из персонала – а ещё лучше, гонец из столицы, явившийся забрать Исерд домой – довольно быстро угасла. Стоило открыть дверь, как девушка увидела сверкающее улыбкой лицо Волфганга Рейнхардта, которое не раз изучала на фотографиях – в основном, чтобы понять, что из себя представляет этот человек.

Как и любой из наследников Великих Домов, Волфганг успел оставить яркий и незабываемый отпечаток в галактической Сети. Однако если Ролан фон Крауз служил излюбленным объектом сплетен как на страницах официальных СМИ, так и в частных разговорах, то Волфганга любые слухи обходили стороной. Фотографии его найти оказалось трудно, а видеовидео Волфганга живьем предпочитали о нём не говорить.

Исерд оставалось только гадать, в чём состоит причина такого прохладного отношения света к одному из пяти самых завидных женихов Гесории.

Волфганг был ожидаемо красив, и всё же камерам не удалось передать особое тягостное обаяние обречённости, поселившееся между его бровей. Глаза его имели тёмно-синий, как глубокие воды сапфира, цвет, и в сумраке могли показаться почти чёрными. Угольно-чёрные волосы элегантно волной лежали на плечах, явно тщательно уложенные с утра.

Глядя на аккуратные завитки его локонов, Исерд испытала неутолимое желание спросить: «Как, вас уже выпустили?», потому что плохо представляла, чтобы на гауптвахте можно было так тщательно за собой следить.

– Стало быть, вы – моя новая соседка? – поинтересовался Рейнхардт.

Исерд медлила, не зная, насколько тот осведомлён о целях её прилёта. Но если Волфганг и понимал, зачем она здесь, то, очевидно, не собирался говорить об этом в лоб.

«Уже хорошо», – подумала Исерд, которой по-прежнему ни капли не нравился этот визит.

– Да, – Исерд едва заметно кивнула, изображая подобие поклона, – тьютор сбежал, обещав, что вы покажете мне, где здесь что находится.

Рейнхардт улыбнулся одним уголком губ и протянул руку – такую же холёную, как и всё в нём.

– Почту за честь. Если вы посчитаете возможным доверить мне свой досуг.

Исерд испытала невыносимое желание закатить глаза и воззвать к небесам, но смолчала.

«Он меня клеит?» – задала она риторический вопрос.

Вопреки всякой логике Рейнхардт симпатии у неё не вызывал. Да, он был красив, но Игерд не нашла в нём ничего, что бы её заинтересовало.

– С удовольствием, – Игерд протянула руку, предлагая за неё взяться. – Для начала я бы посмотрела парк. Слава о нём идёт по всей Гесории.

– И это неспроста.

Приняв предложенную руку, Волфганг повёл гостью вниз, на первый этаж. Сначала показал парк из окна. Потом вывел Игерд на крыльцо, украшенное стройной колоннадой, и принялся рассказывать о том, как устроили этот сад – в память о героях прошедших войн.

Игерд откровенно скучала. Её не покидало чувство, что она попала на великосветский приём, который грозит продлиться до ночи, а потом продолжится с утра... И, похоже, не закончится вообще никогда.

Они спустились по мраморным ступенькам и, миновав лабиринт аллей, вышли на небольшую площадь-поляну, от которой дорожки разбегались пятилучевой звездой. В нишах между аллеями стояли скульптуры Божественных Звёзд.

– Они похожи на вас, – сказал Волфганг, закончив рассказывать про каждую из богинь.

– Да? Вы мне льстите, – машинально ответила Игерд. Она слушала вполуха. Всё вышло слишком просто. Вряд ли Волфганг в неё влюбился – но, по-видимому, оказался достаточно разумен, чтобы подыграть.

«Слишком разумен», – подумала Игерд со вздохом. Ей не хотелось всё своё существование в Академии превращать в бесконечную дуэль из подколов и интриг.

– Простите, Волфганг, – сказала она в итоге, – я не понимаю, как такой человек, как вы, ввязался в столь идиотскую игру?

– Вы о гонках в астероидном кольце? – усмешка наследника заметно отличалась от той, которую видела Игерд на его лице до сих пор. Эта новая улыбка казалась высокомерной и злой. – Вы хорошо знаете, что представляет из себя Ролан фон Крауз?

– Не более чем можно услышать, оставаясь при дворе, – призналась Игерд.

– Узнаете, – уверенно сказал Волфганг, – и поймёте меня. Но, может, не будем о нём говорить?

– Может, – согласилась Игерд, и снова волны истории, преобразованной языком Волфганга в ласкающие слух слова, унесли её далеко-далеко.

Как ни старался, Ролан не мог унять обиду и злость. Два рода – Крауз и Рейнхардт – служили опорой Гесории много лет. Конечно, имелись и другие, но именно эти семьи сыграли решающую роль в прошедшей войне.

«Так как вышло так, что Консул решила поддержать Рейнхардтов? – спрашивал Ролан себя, категорически отказываясь признаваться в том, что его куда более беспокоит другое: – Как можно отдать Игерд Волфгангу?»

Вопрос вконец истерзал Крауза. Чтобы развеяться, он кое-как добрался до окна и устроился на подоконнике передохнуть. Когда нижний край алого солнца Тардоса коснулся глади моря, в его закатных лучах на посыпанной гравием дорожке парка показались два силуэта – черноволосого Рейнхардта и светлой, как сами Звезды, Игерд Ларссон.

Рейнхардт держал Ларссон под руку и мягко, но уверенно вёл вперёд. Лицо девушки при этом оставалось равнодушным, и Ролану показалось, что мыслями Игерд находится где-то далеко.

На мгновение взгляд её скользнул по глади залива и замер, столкнувшись сквозь стекло с взглядом Ролана. По всему телу Крауза пронеслась волна пламени. Взгляд Ларссон держал крепко, как когти хищного зверя, так что если бы Ролан и хотел – не смог отвести глаз.

Но он и не хотел.

Медленно два силуэта проплыли мимо больничных корпусов. Взгляд Игерд постепенно терялся среди зелени сада, оставляя после себя нестерпимое чувство одиночества и тоски, пока оба – Рейнхардт и Ларссон – не исчезли за стволами ракит.

ГЛАВА 3

Только к концу недели Исерд удалось вырваться из цепких лап Волфганга, чтобы оформить документы о поступлении – что грозило превратиться в немалое приключение.

Консул позволила ей окончить начальную школу на общих основаниях, но довольно быстро пришла к выводу, что аристократическая среда плохо сказывается на характере и интересах воспитанницы, поэтому с двенадцати лет Исерд перевели на домашнее обучение.

Добрую половину времени она тратила на сопровождение покровительницы в её многочисленных командировках, а остальное уходило на занятия с домашними учителями – коих, впрочем, Консул выбирала, не щадя средств.

Теперь же её влиянию предстояло вступить в непростое сражение со знаменитой гесорийской бюрократией.

Формально все давно понимали, что слова Консула Хельги – закон.

На деле воплотить в реальность хоть одно решение было предельно трудно, потому как большинство из них требовали троекратного утверждения в Сенате, последующего рассмотрения нижней палатой и закрепления печатями пяти великих родов.

Разумеется, речь не шла о том, чтобы проводить через Сенат вопрос о переводе в лётную академию одной отдельно взятой ученицы. Но пришлось оформить документально все предыдущие годы домашних занятий, а кое-какие навыки ещё предстояло подтвердить.

Исерд не сомневалась, что управляет малым звездолётом не хуже, а то и на порядок лучше, чем любой из кадетов – однако именно лётное мастерство потребовали досдать. Кроме того, предстояла пара экзаменов по теоретической части: по древнему языку, который Исерд всегда терпеть не могла, и по региональной истории Тардоса, которая по понятным причинам была ей ни к чему.

Результат посещения ректората Исерд не расстроил и не удивил. Радоваться стоило уже тому, что не придётся ещё раз отправлять документы в столицу и по новой их заверять.

Выбравшись из этого холодного и негостеприимного здания на свежий воздух, Исерд завернула за угол и с облегчением вздохнула. Однако в следующую секунду снова подтянулась.

– Леди Ларссон! – послышался насмешливый голос из-за спины.

Исерд старательно натянула на лицо ледяную маску, небрежно уцепилась пальцем левой руки за ремень и только затем повернулась на звук.

– Виконт фон Крауз! Это вы?! – вежливая улыбка скользнула по её губам. – Как ваша нога?

– Честно говоря, всё ещё болит.

Фон Крауз приближался к девушке, картинно прихрамывая, хотя в остальном имел такой цветущий вид, что Исерд сильно сомневалась в правдивости его слов. По правую руку от него держался ещё один курсант с серебряным галуном на груди. Исерд пока не слишком хорошо разбиралась в местной символике, но этот знак опознала: «Командорский факультет».

По большей части в Академию на Тардосе поступали не для того, чтобы затем отправиться служить во флот. Многие старые аристократы наподобие герцога фон Крауза были уверены, что строевая подготовка поможет их избалованным детям стать настоящими людьми. Другие молодые дворяне, напротив, стремились сюда – их влекла романтика древних войн. Ну и возможность поводить скоростной звездолёт.

Первые, как правило, попадали в пехоту, за три года получали офицерское звание и затем отправлялись служить в Гвардию ещё на несколько лет. Этого контингента Исерд насмотрелась в столице.

Вторые носили на отворотах агатовую звезду и изо всех сил старались попасть на тот факультет, где готовили пилотов малых кораблей – впрочем, как правило, со временем они тоже меняли звезду на золотые эполеты гвардейского корпуса. Такая звезда как раз красовалась на груди у Ролана.

Командорский факультет представлял собой на порядок более серьёзный выбор, потому что особой романтики в службе на больших кораблях нет. Такой крейсер – или фрегат – в сущности большая консервная банка, с мостика которой космос можно увидеть только через камеры внешнего наблюдения, а в каюте окно и вовсе заменяет гала-репродуктор, показывающий всё что угодно, кроме того, что находится за стеной. Что именно двигает теми, кто идёт этим путём, Исерд не понимала. Если бы ей позволили, она выбрала бы малые корабли. Ей нравилось чувствовать мощный поток звёздного ветра под крылом, наблюдать, как прямо на неё несётся бесконечный простор космоса. Впрочем, выбор, в любом случае, был давно сделан за неё.

– Помните прошлый наш разговор? – спросил тем временем Ролан, заметивший направленный на серебряный галун пристальный взгляд Исерд, но только больше разозлившийся из-за этого.

– Смутно, – призналась Исерд, которой всю последнюю неделю было не до того. Волфганг так старательно выполнял долг гостеприимства, что ей едва хватало времени подумать о себе.

– Вы просили меня забыть сложившийся между нами неловкий инцидент. Ну и мы с вами пришли к выводу, что вы мне должны.

– Что?!

Исерд вспомнила. До мелочей.

– Имейте совесть, Крауз, вы сами врезались в мой звездолёт! Я его до сих пор не починила, а мне нужно как можно скорее начать летать!

– Правда? Вы думаете, мой корвет в лучшем виде? У вас, по крайней мере, целы руки, ноги и голова!

– Если вы пришли меня обвинять, то нам не о чем говорить.

– Я пришёл просить вернуть мне долг.

– Какой ещё, Ветры вас раздери, долг?

– Я из-за вас почти неделю потерял. Так что вы мне её должны.

Исерд стояла, молча и тяжело дыша, то и дело сжимая и разжимая кулаки.

– Вы не втянете меня в свои игры, – в итоге твёрдо сказала она, – Волфганг предупреждал меня относительно вас. И я начинаю его понимать.

– Во-олфганг... – протянул Ролан, становясь с каждой секундой всё злей. – А может, вы с ним сговорились? Я ведь перед тем, как потерял сознание, слышал, как вы выкрикнули его имя. Может, вы вдвоём пытались меня убить?

Исерд открыла рот и снова закрыла. Очень хотелось Крауза послать. Так далеко, как только тот мог улететь.

– Что вам от меня надо? – процедила она.

– Время, я же уже сказал. Верните мне потраченные семь дней.

Исерд не успела подобрать достойный ответ, потому что во внутреннем кармане кителя запульсировал ком.

Исерд поднесла палец к мочке уха и активировала чип.

– Да, – сказала она несколько резче, чем хотела.

– Исерд?

– Да, ты же мне звонишь, – услышав голос покровительницы, она успокоилась, но лишь чуть-чуть.

– Нужно поговорить.

Исгерд бросила напряжённый взгляд на Ролана, который продолжал чего-то от неё ждать.
– Закончим как-нибудь потом! – бросила она и поспешила прочь.

Ролан скрестил руки на груди и привалился плечом к стене.

– Не слишком ты её? – поинтересовался Брант.

– Не надо было про Волфганга говорить.

– Видел, как они разговаривали? – уточнил Волфганг Рейнхардт, наблюдая, как Юки Симидзу неторопливо разливает горячий чай по маленьким фарфоровым чашечкам, каждую из которых украшал голубой цветок.

Юки умела управляться с этим напитком куда лучше него. Но, кроме того, Юки знала, что зависит от Рейнхардта, и потому во многом предпочитала уступать.

Управлять ею было легко – куда легче, чем Краузом, возмнившем о себе невесть что. И, похоже, не сложнее, чем подручной Консула, вознамерившейся его обыграть.

– Я так сказала, – подтвердила Юки. К Волфгангу она особой симпатии не питала – и не видела смысла этого скрывать.

– Мне не нравится, что моя... хм... как бы её назвать... одним словом, что она интересуется кем-то, кроме меня.

Юки не сомневалась, что услышит подобные слова. Волфганг был предсказуем, как ладья на шахматной доске, которая движется только по прямой.

– Возможно, следует... – Юки замолкла, поймав напряжённый взгляд.

– Поговори с Краузом. Расскажи ему о Ларссон то, что я успел узнать.

Юки поставила чайник на стол и, сложив перед собой руки, изобразила лёгкий поклон.

– Я могу идти? – спросила она.

– Да. Потом расскажешь, как всё прошло.

Как и следовало ожидать, ничего интересного Консул не сказала. Но она не любила ждать, а Исгерд не видела смысла её к этому принуждать.

Теперь, когда Хельга получила ежедневный отчёт – она звонила ежедневно, иногда даже два раза за день, и спрашивала, что и как – мысли Исгерд, так и не успевшей добраться до своего блока, снова вернулись к недавней встрече с Роланом. Сказать, что Ролан её взбесил, значило ничего не сказать. Этот человек вёл себя так нагло, что у Исгерд не хватало слов. А она не любила, когда ей не хватает слов.

Только теперь она поняла, что так ему толком и не отказала. Впрочем, и не выяснила, чего именно Ролан от неё ожидал.

Любопытство и злость смешались в её сознании в гремучий коктейль и, не дойдя до жилых корпусов, Исгерд резко развернулась на каблуках. Миновав лабиринт аллей, к которым уже начала привыкать, она снова оказалась там, где проходил их с Краузом последний разговор.

Разумеется, Ролан исчез.

Исгерд прикрыла глаза и повела в воздухе рукой, вызывая к жизни ионовый след, оставленный фигурами двух учеников. Теперь она довольно отчётливо видела, как они свернули в одну из аллей, и двинулась туда же.

Исгерд направилась следом, время от времени замедляя ход и обновляя эффект, пока не оказалась в сотне шагов от столовой, видневшейся за деревьями вдалеке. И замерла, раздумывая, подойти или нет. Ролан стоял перед зданием, но снова был не один – к тому же, теперь с ним рядом находилась абсолютно незнакомая Исгерд курсантка.

Исгерд переместилась немного в сторону – чтобы тень от кустарника не заслоняла её лицо – и увидела раскосые глаза уроженки Нефритовых миров.

Этот факт ни о чём Исгерд не говорил. И потому, достав ком, она осторожно сделала несколько фото, чтобы потом на досуге разобраться – кто это.

Тем временем эта девушка коснулась плеча Ролана – как-то фамильярно, если бы кто-нибудь спросил Исерд. От взгляда Ларссон не укрылось и то, как мягко и невзначай сползла по плечу Ролана рука незнакомки. Казалось, девушка боится коснуться собеседника – и в то же время хочет этого так, что использует малейший повод.

Наконец, они закончили разговор. Девушка взяла Ролана под руку и потянула в сторону входа в обеденный зал – но тот вывернулся и, сердито разбрасывая щебёнку больной ногой, решительно двинулся прочь.

«Нифига у него не болит!» – Исерд со злостью ударила по стволу дерева кулаком и тут же об этом пожалела.

ГЛАВА 4

По мере того, как один день сменял другой, Исерд постепенно привыкала к тому, что Волфганг постоянно находится рядом. Но сколько они ни общались, жених оставался для нее загадкой.

Он не рассказывал о себе. При первой возможности старался перевести разговор на историю, искусство или любую другую тему, в которой невозможно было разглядеть его чаянья и мечты.

Исерд пыталась использовать эти небольшие возможности для того, чтобы разузнать хоть что-нибудь о его интересах, но Волфганг оставался для неё закрыт.

Он никогда напрямую не говорил о том, что знает, зачем приехала Исерд, но девушку не оставляло странное чувство, что тот видит её насквозь.

Иногда она наблюдала за Волфгангом через окно или когда тот устраивался у камина в комнате отдыха на первом этаже. Большую часть времени он читал, но книгу всегда прятал в кожаный футляр, а при приближении любого из курсантов – даже Исерд – закрывал.

Волфганг часто и подолгу стоял на веранде их корпуса, рассчитанного на пятерых кадетов, и смотрел вдаль. Особенно он любил время, когда солнце пряталось за горизонт, и синеву неба озаряло слабое мерцание первых звёзд.

– О чём вы думаете? – спросила как-то Исерд, застав его в одиночестве в такой час.

Волфганг вздрогнул, и ледяная маска мгновенно укрыла его лицо.

– О вас, – обворожительно улыбнувшись, сказал он и повернулся к Исерд.

«Враньё», – подумала девушка, и тут же у неё пропало желание продолжать разговор.

– Простите, что помешала, – поспешила она откланяться.

На следующее утро, когда Исерд вышла привести себя в порядок – душ в корпусе был один на всех, к чему она привыкала с трудом, потому как видеть по утрам посторонних не любила – и столкнулась с Волфгангом в дверях.

– Мне показалось, что вчера мы поговорили не слишком удачно, – сказал тот.

– Даже не знаю, с чего вы так решили, – ответила Исерд и попыталась протиснуться мимо него в душевую.

– Я хочу исправить ошибку. Нам с вами нужно лучше друг друга понять, – продолжил Волфганг.

Исерд подняла бровь.

– Ну, хорошо, – признала она, – нам не стоит ссориться. Что вы предлагаете?

– Ничего особенного. Спускайтесь к завтраку на веранду. Там и поговорим.

Исерд подняла бровь.

– Разве здесь подают завтрак в блок?

На губах Волфганга промелькнула насмешливая улыбка.

– Что-то вроде того.

Он отвесил Исерд лёгкий поклон и наконец позволил ей пройти.

Когда Исерд спустилась на первый этаж, Волфганг сидел на веранде и неторопливо потягивал чай

– Не люблю кофе, даже по утрам, – признался он. – А вам что принести?

– Можете смеяться, но мне нравится горячий шоколад. Впрочем, я не хочу вас утруждать.

– Никаких трудностей! Юки! – крикнул он.

В дверях показалась та самая девушка с миндалевидными глазами.

Исгерд внимательно наблюдала за происходящим и не торопилась себя выдавать, хотя в первое мгновение и испытала желание вскочить и хорошенько встряхнуть эту экзотическую красотку.

– Юки, горячего шоколада нам, – Волфганг обернулся к Исгерд, – что-нибудь ещё?

– На ваш выбор, мне всё равно.

Волфганг кивнул.

– Тогда яичницу. Найдёшь?

– Да, сэр, – Юки отвесила красивый церемониальный поклон, свойственный обитателям Нефритовых миров, и исчезла.

– Я чего-то не понимаю, – призналась Исгерд, – разве в Академии не запрещено иметь слуг?

– Конечно, запрещено. Но когда есть запрет, всегда находится способ его обойти. Часто результат куда менее справедлив, чем был бы естественный порядок вещей. Нет ничего глупее, чем закон.

– Вы специально говорите это мне?

– Нет, – по глазам Волфганга Исгерд поняла, что последнее слово – абсолютная ложь, – я просто хотел, чтобы мы провели немного времени вдвоём. Я ничем вас не задел?

– Задели, – признала Исгерд, продолжая внимательно наблюдать за малейшим движением его бровей, – мы так много времени проводим вместе, что я надеялась, вы будете со мной более откровенны. Разве вчера я задала вам настолько личный вопрос?

Волфганг опустил взгляд и какое-то время рассматривал остывающий чай.

– Нет, – сказал он в итоге, – личный, но не настолько, чтобы скрывать ответ. Дело в том, что в эти выходные я лечу домой. Я раздумывал, какой выбрать рейс и какие вещи взять... Понимаете, это был бы довольно будничным и неинтересным разговор – если бы я вам сказал.

Исгерд не отводила взгляда. Толика правды в словах Волфганга была, но абсолютно точно – только толика.

– Вам так необходимо демонстрировать, что будничные заботы обходят вас стороной? – спросила она.

Волфганг пожал плечами. Посмотрел на неё и улыбнулся уголком губ.

– Вы будете скучать? – спросил он.

– Наверняка, – соврала Исгерд.

Они ещё немного поговорили, и Исгерд отправилась к себе, с облегчением думая о том, что сможет отдохнуть от светской болтовни хотя бы пару дней.

Все эти дни Ролан не давал о себе знать, зато Исгерд время от времени думала о нём.

Иногда она видела его в столовой и неизбежно приходила к мысли, что фон Крауз её бесит.

Теперь она получила возможность хорошенько разглядеть Ролана без больничных бинтов, и прежде всего отметила, что на наследника семьи Краузов тот не похож ни капли. Не может у десяти поколений голубоглазых блондинов родиться... вот такой.

Из любопытства Исгерд даже запросила поиск по нему в сети и нашла парочку сплетен о том, что супруг леди Крауз никак не может быть ему отцом – просто потому, что к моменту рождения Ролана ещё не был с ней знаком. Впрочем, ничего конкретного.

Исгерд думала, что политика Гесории давно пережила тот ребяческий возраст, когда всех волнует, кто с кем провёл ночь, и потому происхождение Ролана не слишком смущало. Однако однажды девушка не удержалась и поинтересовалась у Консула:

– А почему Рейнхардт? Почему не Крауз? Я имею в виду... у них примерно одинаковый флот, они держат семьдесят процентов системы Аркан... Да и влияние в Сенате, кажется, у герцога Крауза не меньше, чем у князя Рейнхардта.

Консул хмыкнула.

– Будет много споров, – сказала она, – относительно того, кто станет новым герцогом Краузом, случись что. У Ролана фон Крауза есть брат, у которого не меньше оснований претендовать на титул.

Исгерд поспешила прервать разговор, пока Консул не решила отправить её к неведомому брату в систему Аркан.

Интерес Исгерд, впрочем, оставался праздным до тех пор, пока не наступил вечер пятницы.

Она проводила Волфганга до ворот и сказалась больной, чтобы не ездить с ним в космопорт. Вернулась к корпусу, в котором обитала... и замерла на расстоянии двух десятков шагов от дверей, едва не раскрыв рот.

– Как это понимать? – резко спросила она, не зная, чей ответ интересует её больше.

Человек пятнадцать младшекурсников шествовали по дорожке от корпуса, находившегося немного восточней. Каждый нёс в руках кресло, подушки или чемодан.

– У нас под корпусом нашли муравьёв, – прозвучало откуда-то сбоку, и, опознав голос Ролана, Исгерд едва не подпрыгнула до небес. – Куратор распорядился, чтобы мы с Брантом перевезли вещи к вам.

ГЛАВА 5

Ролан беззастенчиво разглядывал новенькую с тех пор, как вышел из лазарета. Редко кого переводили прямиком на третий курс – даже наследников великих домов. Стоило ожидать, что подобного уника сразу засмеют – однако же, нет.

Дружба с Волфгангом – а Игерд не расставалась с женихом ни на миг – конечно, делала своё дело. Но и Ларссон довольно быстро показала хорошие результаты по тем дисциплинам, которые привыкли уважать курсанты: рукопашный бой, стратегия и тактика, управление кораблём.

По прочим, традиционно нелюбимым курсам, таким, как история или этикет, у неё тоже не возникло проблем. На занятиях по танцам на неё было любо-дорого смотреть, и Ролан всю представлял, как заставит её встать на место своей партнёрши – девушек в Академии было мало, и на уроках танцев за них шла настоящая война.

Впрочем, решительных действий Ролан пока не предпринимал – ждал.

То, что Юки рассказала ему о новой ученице, немного обеспокоило Ролана, но не настолько, чтобы отступать.

– Мне слабо верится, – признался он Бранту в тот же вечер, когда состоялся их с Игерд первый разговор, – но Юки говорит, тут замешана большая политика. Решение о браке принимали Консул Эклунд и герцог Рейнхардт.

– Об этом я тебе уже говорил.

– Да, но одно дело слухи, а другое – узнать почти из первых рук. Уверен, эту Симидзу ко мне подослал Волфганг. Но это ещё не всё... Ты слышал о Серых Стражах?

Брант поднял бровь. Впрочем, в глазах его промелькнуло любопытство.

– Ходят слухи, – продолжил Ролан, – что леди Консул давно взялась за создание шпионской сети, сформированной из сирот. С кем-то работают в детских домах, других она держит возле себя с детства. Довольно удобно в условиях, когда каждый предан в первую очередь семье. У них же нет корней. Консул даёт им всё. Игерд – тоже сирота.

– Думаешь, она работает на Консула?

– То, что она служит Консулу, очевидно. Вопрос только в том, что именно эта Ларссон из себя представляет – просто воспитанница или настоящая шпионка.

– Если всё настолько серьёзно, то я не очень понимаю, почему Волфганг позволяет ей крутиться рядом.

– Я тоже... – Ролан помолчал. – И я хочу это узнать.

– Боюсь спрашивать – как.

– А придётся, – Ролан усмехнулся, – мой план связан с тобой.

Переселить в подвал выводок муравьёв оказалось довольно легко, как и обеспечить «правильный» перевод. В итоге Ролан стоял у входа в корпус, который до сих пор был заселён только наполовину, и наблюдал, как Ларссон размахивает руками, пытаясь указывать мальчикам, что и куда ставить нельзя. В эти мгновения она была упоительно мила.

– Какая, к демонам, шпионка, – пробормотал Ролан так, чтобы его слышал только Брант.

– Я бы так просто эту историю со счетов не спускал.

Перед тем, как улечься спать, Ролан долго стоял у окна и смотрел в оказавшееся напротив его собственного окно Ларссон – небольшие домики, предоставлявшиеся студентам старших курсов, в плане по большей части представляли букву «П».

Исгерд не спала. Сидела за ноутбуком часов до трёх. Ролан видел, как её тонкие длинные пальцы то и дело поправляют прядь волос, падающую на глаза, а иногда чешут слегка курносый нос.

Ролан обдумывал, что будет делать. Он собирался предъявить Исгерд права на неё на ближайшие два дня. Но утром стало ясно, что всё пойдёт не по плану – как, впрочем, и всегда.

Едва Ролан, позёвывая – он всегда тяжело вставал – вышел в коридор в надежде первым занять ванно-туалетный блок, как увидел Ларссон, умывшуюся и одетую для выхода в свет.

– Исгерд! Вы забыли раздеться с вечера?

Исгерд обожгла его нечитаемым взглядом и поспешила к лестнице, ведущей вниз, так что Ролан с трудом успел поймать её за руку.

– Куда же вы? Даже не поздороваетесь? А вы ведь мне должны...

Исгерд резко развернулась. Медленно обхватила пальцы Ролана свободной рукой и убрала с запястья.

– Ещё раз скажете мне про долг, – тихо произнесла она, но Ролан слышал, как клокочет в её голосе ярость, – и я заставлю вас об этом пожалеть. Я не собираюсь отчитываться перед вами, куда я хожу, когда и с кем.

– Ах, вот даже как! – улыбка заиграла у Ролана на губах, и он привалился плечом к стене. – Стало быть, Волфгангу тоже лучше о вашем уходе не говорить?

– Не лезьте не в своё дело! – от злости Исгерд даже поднялась на одну ступень, тем самым лишившись защиты перил.

Ролан ловко подхватил её за талию и в один миг развернул, прижимая к стене.

Белое как снег и гладкое, как слоновая кость, лицо Ларссон оказалось близко-близко, так что Ролан на несколько мгновений забыл любые слова.

Он тяжело дышал. Горячее дыхание его касалось нежной щеки девушки, парализуя волю.

Исгерд обнаружила, что чуть прогибается навстречу, силясь продлить этот контакт.

– Отстаньте от меня, – тихо и растерянно сказала она, но сама не поверила собственным словам.

– Может, хватит уже на «вы»?

Ларссон молчала.

– Я просто хочу получше тебя узнать. Почему нельзя? – спросил Ролан.

Слова по большому счёту не имели значения – в это мгновение Исгерд хотелось только, чтобы парень продолжал говорить, лаская своим бархатистым голосом слух, а дыханием – кожу на щеке.

– Мне нужно в город, – растерянно произнесла Исгерд, за стуком сердца не слыша собственного голоса, – нужно... – Язык не слушался, и Исгерд на ходу забывала, что собиралась сказать. – Нужны запчасти... для корабля.

– Да? – рука Ролана скользнула по кителю Исгерд, забираясь ей за спину. Замерла на поясице, разгоняя по телу волны жарких мурашек. – Так вам же... не на чем... лететь.

– Я... вызову... такси.

– Я должен вас отвезти, – губы Ролана приблизились вплотную к её губам. – Это же я виноват в том, что вы потеряли...

Кровь стучала в висках так, что Исгерд с трудом расслышала последнее слово – «корабль». Казалось, ещё мгновение – и такие же горячие, как его дыхание, губы Ролана коснутся её собственных губ. Она хотела этого, не понимая – почему. Тело и мысли не слушались. Исгерд подалась вперёд, прижимаясь к Ролану грудью и животом.

Дверь в ванную хлопнула, и в отдалении послышалось негромкое:

– Ой...

Исгерд стремительно вырвалась из удерживавших её рук и бросилась по лестнице вниз.

– Брант, я тебя прибую! – прошипел Ролан.

– Да я не хотел!

Ролан бросился следом за Ларссон и нагнал её на полпути к воротам.

– Я серьёзно, – повторил он, чудом поймав её руку и рванув на себя, так что на мгновение девушка снова прижалась к его груди своей – но на сей раз Игерд вполне ясно соображала. – Вам придётся всё искать самой... А я бы показал вам очень полезные места.

– Вы с ума сошли... – Ларссон устало вздохнула. – Хотите, чтобы Волфганг на меня разозлился, да?

– Он узнает, только если мы продолжим стоять здесь вот так. В городе за нами никто не проследит.

Игерд ещё раз вздохнула и покосилась на такси, которое ожидало за воротами в парк. Ей вдруг захотелось, чтобы Ролан поехал с ней.

– Давайте, только быстрее, – сказала она. – Я подожду на КПП.

Всё время, пока его звездолёт приближался к системе Саул, Волфганга терзало неприятное, тянущее чувство.

Корабль медленно пошёл на снижение, по спирали заходя на посадку. Внизу виднелись густые кроны сосен и елей – парк тянулся до горизонта, и только далеко на востоке скалистые уступы врезались в океан.

Волфганг попытался выйти на связь с отцом, но тот не брал ком. Тогда парень просто оставил корабль на стоянке и двинулся к дому.

Рейнхардты предпочитали строгий, классический шик, талантливыми скульпторами и художниками вписанный в суровую природу этого края. Жаркого климата отец не переносил, и большую часть года проводил здесь, в отдалении и от солнца, и от городов.

Серовато-дымчатые колонны вздымались по обе стороны от лестницы, ведущей в особняк. Внутри стояла тишина и царил полумрак.

Волфганг миновал анфиладу комнат, обитых синим шёлком – отец считал, что этот цвет его успокаивает. Осторожно постучал и приоткрыл дверь в отцовский кабинет. Звук, видимо, получился слишком тихим, потому что разговор, который вели внутри, прервать не удалось.

– Я бы удивилась, князь, если бы вы сказали мне об этом в лицо. Давайте так: не будем говорить о присутствующих и называть имена. Вы согласны, что моя власть устраивает далеко не всех?

– Недовольные есть всегда.

– И скажем прямо, Рейнхардты с самого начала относились к их числу.

– С самого начала – да! Но прошло пятнадцать лет с тех пор, как окончилась война. Лично меня вполне устраивает тот мир, в котором мы живём.

– Даже если им правлю я?

– Само собой.

На какое-то время наступила тишина, и Волфганг хотел постучать ещё раз, но снова услышал голос князя Рейнхардта.

– Я достаточно пострадал от всякого рода интриг, госпожа Консул. Не имею ни малейшего желания повторять те ошибки, которые допустил мой отец. Я предпочту и сейчас остаться от всего происходящего в стороне.

– Стоять в стороне – уже значит предать Гесорию. Бездействовать нельзя.

– Уверен, вы говорите это всем.

Волфганг услышал суховатый смешок.

– Само собой, князь, – спокойно и устало сказала гостя, – потому что, в отличие от вас или кого-либо ещё, я не заинтересована в победе любой из сторон. Мне нужно, чтобы Гесория сохранила единство. А значит, чтобы те, кто ей управляет – были солидарны.

– А вы уверены, что так вообще может быть? – спросил князь.

Ответом ему стала тишина. Волфганг понял, что на сей раз разговор действительно окончен, и промедлением он рискует себя выдать. Осторожно прикрыв дверь, парень громко ударил по ней ещё несколько раз, но вошёл, только дождавшись слов:

– Можете войти!

ГЛАВА 6

Исгерд, расположилась на пассажирском сидении и то и дело косилась на Ролана, занявшего место за рулём.

Во-первых, она не привыкла находиться в чьей-то власти, ничего не решая и не имея возможности ни свернуть, ни выправить кар.

– Выше держи! – в который раз не сдержалась девушка.

Ролан приподнял тонкую бровь и покосился на Исгерд.

– Вообще-то, у меня по лётному мастерству первый разряд.

– Очень обнадеживающая рекомендация, – буркнула Исгерд, пытаясь откинуться на спинку кресла и расслабиться. Она разрядов не получала, но на любые расстояния летала сама, не признавая никакого рейсового транспорта.

Во-вторых, стоило ей расслабиться хоть чуть-чуть, как сердце начинало биться сильнее, если взгляд падал на руки Ролана – с длинными угловатыми пальцами – лежавшие на руле.

Бессовестный наследничек сбросил китель, как только они отлетели от стен Академии на пару лиг. Он закатал рукава сорочки, и теперь Исгерд имела возможность лицезреть его крепкую руку, покрытую тонкой сеточкой тёмных волосков. Зрелище это порядком отвлекало от дороги.

В городе Ролан, как и следовало ожидать, не ограничился показом одних только мастерских.

Он честно помог Исгерд подобрать покорёженную деталь. При этом долго разглядывал испорченный экземпляр, как будто это артефакт, выпавший из запредельных миров.

– С ней что-то не так? Думаешь, она радиоактивна или что-то вроде того? – спросила Исгерд.

Ролан покачал головой.

– Это эксклюзив, да?

– Ну... да.

– От Арон-комп?

– Как ты узнал?

Ролан продемонстрировал гравировку на одном из цилиндров антиграва.

– Всегда о таком мечтал.

К собственному удивлению, Исгерд слегка покраснела.

– Хочешь – оставь себе. Толку от неё никакого.

– Оставлю. Поковыряю потом... может, ещё и заработает.

Когда они покинули мастерскую, то вместо того, чтобы честно повернуть аэрокар к территории Академии, Ролан двинулся в направлении набережной.

– Мы летим не туда, – осторожно заметила Исгерд.

Ролан даже не оглянулся.

– Зависит от того, что мы ищем.

Исгерд промолчала. Ей нравилось, когда Ролан управлял, определял курс – подобных эмоций она раньше за собой не замечала.

Ролан остановил кар у причала и помог девушке выбраться на мостовую. Ладонь его оказалась в руке Исгерд – она была тёплой, и от этого прикосновения по телу девушки разбегались мурашки.

Исгерд и Ролан прошли несколько ярдов вдоль линии берега и остановились у парапета.

Лазурные волны простирались до горизонта, огибая узкий треугольник полуострова. В бухте не было ни металлических кораблей, ни катеров, и если бы не маленькие фигурки прохожих вдалеке, за изгибом парапета, Исгерд решила бы, что это место вовсе необитаемо.

– Здесь куда красивее вечером, – сказал Ролан, – вон там загорается маяк.

Исгерд кивнула. Ей стало стыдно признаться, что она никогда не видела маяков.

– Ты на Тормансе уже была? – спросил Ролан, как угадал.

Исгерд качнула головой.

– В основном я бывала там, где госпожа Консул проводила какие-нибудь переговоры. По большей части – это центральные миры.

Ролан кивнул.

– А я почти всю жизнь провёл на Аркане... а потом три года здесь.

– Ты не был в столице?

Ролан качнул головой.

– Дед не хотел, чтобы двор меня испортил.

Исгерд не удержалась и рассмеялась, но, поймав на себе мрачный взгляд Ролана, тут же снова стала серьёзной.

– Он прав, – сказала Исгерд, – ничего интересного там нет.

– Говорят, красиво, – заметил Ролан задумчиво.

– Красиво везде. Нужно просто уметь видеть эту красоту.

Ролан перевёл взгляд на девушку и улыбнулся. Он думал о том, что это красота Исгерд отображается в любом месте, куда та может попасть.

– Что-то не так? – спросила Исгерд, заметив улыбку на его губах.

Ролан долго молчал. Исгерд уже думала, что он так ничего и не ответит, когда парень задал вопрос:

– Почему Волфганг, Герда?

Исгерд вздрогнула от этого обращения – непривычного и слишком фамильярного.

– Это ведь правда... то, что о вас говорят? – уточнил Ролан.

– Понятия не имею, что о нас говорят, – сухо заметила Исгерд, – и не ожидала пересказа сплетен от тебя.

Ролан отвёл взгляд.

– Извини, – сказал он. – Просто когда я тебя увидел... У меня что-то случилось с головой.

– Да. В неё попала балка от корабля.

На мгновение в сердце Ролана полыхнула злость. Он повернулся к Исгерд, чтобы ответить, но увидел блики солнца в её глазах и промолчал. Вместо ответа наклонился к ней и поцеловал.

Разомкнуть её губы не успел – Исгерд оттолкнула его. Она тяжело дышала, щёки девушки порозовели, глаза пылали возмущением.

– В следующий раз – спрашивай меня.

Ролан фыркнул и отвернулся.

– Пойдём, – сказал он, направляясь к кару, – нужно до отбоя вернуться домой.

Вечером того же дня Исгерд в запрещённом правилами пожарной безопасности чайнике сделала чай – простой, в пакетиках. Госпожа Консул такое терпеть не могла. Чаепитие Хельга превращала в ритуал. Каждый листочек должен был раскрыться по всем правилам и наполнить чайник ароматом, прежде чем его залиют кипятком.

Оказавшись в обществе Волфганга, Исгерд не особенно удивилась, что у него порядок хоть и отличный – но не менее безумный, чем у Хельги Эклунд. Наследник предпочитал церемонию, принятую в Нефритовых мирах. В отличие от Консула, он позволял добавить в чай ароматных трав и даже ягод – но считал необходимым произносить перед каждым глотком то ли заклятье, то ли молитву. Всем этим ритуалом обычно руководила Юки, а Исгерд оставалось безмолвно внимать происходившему и мечтать о том, как, запершись у себя, она выпьет обычной нефилтрованной воды.

Теперь же, получив возможность просто пить и есть, Игерд несказанно обрадовалась. Бросив пакетик в большую походную кружку – всем назло – она подошла к раскрытому окну, в которое врывался лёгкий ветерок.

И замерла, ощутив неприятное чувство дежавю. Человек, закутанный в тёмный плед, стоял на веранде и смотрел на океан.

– Волфганг... – растерянно окликнула Игерд в тщетной надежде, что всё-таки обозна-
лась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.